

М О Н О Г Р А М М А

ЖЕНЕВЬЕВА ТАБУИ

*20 лет
дипломатической
борьбы*

Г Р И Ф О Н

М

Женевьева Табуи
20 лет дипломатической
борьбы
Серия «Монограмма»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12109407

Женевьева Табуи. Двадцать лет дипломатической борьбы: Грифон М;

Москва; 2005

ISBN 5-98862-010-8

Аннотация

В книге, на документальной основе, освещаются события, предшествовавшие началу Второй мировой войны, свидетелем которых стала французская журналистка Женевьева Табуи. После присоединения Австрии к Германии сбылись её предсказания, что следующей жертвой Гитлера станет Чехословакия. В 1942 г., уже в США, она издает книгу «Они называли ее Кассандрой». После войны Ж. Табуи вернулась в Париж, в 1948 г. была награждена орденом Почетного Легиона. Книга в высшей степени интересна всем, кто занимается изучением истории Европы между двумя мировыми войнами, а также любознательным читателям всех возрастов.

Содержание

Предисловие современного издателя	7
Глава 1. Версальский договор	11
Глава 2. В Лиге Наций	25
Глава 3. Локарно... Локарно... Все прекрасно...	40
Глава 4. Веймарская республика вступает в Лигу Наций	59
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Женевьева Табуи
Двадцать лет
дипломатической борьбы

G. Tabouis

VINGT ANS DE “SUSPENSE” DIPLOMATIQUE

© Грифон М, 2005

© Игорь Борисович Северцев, оформление, 2005

* * *

Воспоминания французской журналистки из дипломатической среды Женеви́евы Табуи (1892–1985) представляют огромный интерес для любого читателя, интересующегося историей XX века, века несбывшихся надежд и страшных потрясений. Эти мемуары словно пустотные следы древнего трилобита в толще окаменевшего известняка, следы живого, хотя уже давно не существующего...

Книга завораживает, не только из-за плотной информативности, но и за счет беллетризованного, легкого, остро-сюжетного изложения многих реалий тех лет, которое переплавляет оловянный язык исторических документов и алхимическим образом делает из них настоящее «золотое криминальное чтиво»...

Предисловие современного издателя

Воспоминания французской журналистки Женевиьевы Табуи, родившейся в начале XX века и ставшей свидетелем невероятных страданий, которые принес этот век, представляются глубоким и отчетливым отпечатком времени, которое оказалось критическим для европейской цивилизации – периода созревания и развязывания Второй мировой войны. Это словно пустотные следы древнего трилобита в толще окаменевшего известняка – следы живого, хотя уже давно не существующего... Воспоминания Табуи крайне интересные, даже завораживающие, не только из-за плотной информативности, но и за счет беллетризованного, легкого, остро сюжетного изложения многих реалий тех лет, которое переплавляет оловянный язык исторических документов и делает из них настоящее «золотое криминальное чтение»... Здесь все кипит, здесь жизнь во всех ее, увы, не вполне благопристойных проявлениях, тут бьет могучая струя истории, и, конечно, читатель многое сможет понять в национальном характере французов и их историческом взгляде на взаимоотношения Франции, Германии, Англии, Соединенных Штатов и России (тогда СССР). Наверно, есть глубокий смысл в сентенции, что правду следует узнать только тогда, когда она

уже осталась в далеком прошлом.

Дипломатический корреспондент ряда влиятельных французских и швейцарских газет, часто обсуждавшая с Марселем Розенбергом (представителем СССР при Лиге Наций) и хорошо понимавшая внутренние правила работы этой многоукладной организации, Женевьева Табуи многое знала и о многом догадывалась. Лига Наций была своего рода «первой неудачной заготовкой» для ООН, которая в наше время и на наших глазах тоже лишается содержательного смысла, как семьдесят лет назад это случилось с Лигой Наций. Женевьева Табуи стали известны тайные пружины и рычаги противоборства мировых держав при первых попытках достигнуть согласия. Она сумела написать своего рода историю Мировой войны (а именно так некоторые историки сейчас называют весь период европейской истории XX века), подчеркивала важность союза Франции и России, разоблачала планы Германии начать – прикрываясь необходимостью борьбы с советской угрозой – войну за передел мира. В разгар боев за Мадрид во время гражданской войны в Испании Табуи опубликовала секретную переписку французских дипломатов, из которой вытекали доказательства итало-германского вмешательства в Испании.

Сегодня мы не только из книги Ж. Табуи, но и из художественных произведений М. Кундеры или мемуаров советского контрразведчика П. Судоплатова можем узнать о подоплеке глобальных переделов Европы, да и всего мира, ко-

которые происходили в XX веке. Но книга Табуи захватывает не только своей достоверностью, она в полном смысле слова есть такое отражение эпохи, где на отпечаток словно наложен слой особого фиксирующего лака – литературного мастерства, – с целью накрепко запечатлеть его... И воспринимая этот опыт, следует понимать, что тоталитаризм, который в течение почти всего XX века был основой российского общества, больше не способен выполнять организующую функцию. Милан Кундера в своем недавно вышедшем романе «Неведение» отмечает такой взгляд европейца середины XX века на происходящие события: «Какой бы чудовищной ни была фашистская диктатура, она исчезнет вместе со своим диктатором... Напротив, коммунизм... остается туннелем, из которого нет выхода. Диктаторы смертны, Россия вечна». Можно прокомментировать, что Россия уже не такова, какой она была в середине XX века. И Табуи была права, когда во время коротких визитов в Россию смогла увидеть и описать этот потенциал грядущего освобождения в российском народе.

Немало можно сказать и о даре предвидения Женеви́вы Табуи. Будучи, по сути дела, разведчицей «под крышей» французской прессы, она способна была распознать через так называемых посредников малейшие изменения в настроениях Гитлера или Муссолини, Чемберлена или Рузвельта. После аншлюса Австрии сбылись ее предсказания, что следующей жертвой Гитлера станет Чехословакия.

Накануне капитуляции Франции в середине июня 1940 г. Табуи из Бордо добирается до Лондона, а вскоре переезжает в Америку. В 1942 г. в США она издает свою книгу «Они называли ее Кассандрой». После войны Женестьева Табуи вернулась в Париж, в 1948 г. ее наградили орденом Почетного Легиона.

Заслуги Табуи действительно бесспорны в деле расследования войн – их зарождения и развязывания. К примеру, как Германии удалось навязать миру Вторую мировую войну? Война и мир – в изложении Женестьева Табуи этот вопрос не менее прост, чем в романе Льва Толстого.

В Лиге Наций еще в 1930-е годы целое «созвездие» миротворцев трудилось над разработкой принципов, гарантий коллективной безопасности. Неоднозначные, а порой и однозначно плачевные результаты этой деятельности мы видим воочию. Это все подробно и с горьким сарказмом изложено в книге. Женестьева Табуи действительно оказалась Кассандрой в том смысле, что предсказала не просто передел Европы, а ее перерождение и постепенный переход в новое качество. О верности этих прогнозов сегодня, через много лет после ее смерти, свидетельствуют современные события на всем огромном пространстве Евразии, где Россия пока не определилась со своей миссией.

Р. Огинский

Глава 1. Версальский договор

Свободное место. – Спутник победителей. – Бернард Шоу и договор. – Озаряющий свет человеческого разума. – В буфете театрального фойе. – Четверо грустных полномочных представителей. – Клемансо против Фоша. – Злословие элегантного «всего Парижа». – Приветствия Падеревского. – Клемансо, дамы и Средневековье. – Профессор Госсэ, морфий и сироп оршада. – Что же начинается? – Мейнар Кейнс и Ллойд Джордж, «скорее подписание, чем урегулирование». – Злопамятность Клемансо.

Версаль... 28 июня 1919 года... три часа пополудни.

В Зеркальном зале главы государств, президенты, главы правительств, послы, министры и маршалы двадцати шести стран занимают места на тесно сдвинутых в ряд золоченых стульях.

После четырех лет борьбы Первая мировая война окончена, Германия, наконец побежденная, собирается подписать мирный договор.

* * *

Внизу мраморной лестницы Андре Тардые и Клемантель встречают Клемансо, который в своем черном сюртуке и се-

рых перчатках вызывает бурную овалцию.

Свойственным ему резким голосом он замечает: «Вообще-то, следовало бы постелить ковры на мраморной лестнице».

Он поднимается по ней, шагая через несколько ступеней. На площадке он пожимает руки солдатам – инвалидам войны, для которых он позаботился отвести место у окна, позади стола для подписания договора. «Вы страдали, – говорит он им, – вот ваша награда!»

* * *

В центре Зеркального зала сооружено небольшое возвышение. Великие мира сего и двадцать пять привилегированных дам смогут таким образом увидеть, как полномочные представители и делегаты поставят свои подписи под Версальским договором...

Клемансо садится в центре длинного стола, лицом к окнам. Справа от него – президент Соединенных Штатов Вильсон, слева – Ллойд Джордж. Место маршала Фоша остается свободным; он не одобряет договора, считая, что «последний не обеспечивает безопасности Франции».

Бьет три часа.

В зал входит очень бледный, в старом черном сюртуке, новый германский министр иностранных дел Герман Мюллер. Вдруг появляется солнце. Оно освещает террасы и листву

парка, оно отражается в зеркалах и всех ослепляет.

Вполголоса Клемансо говорит: «О солнце, спутник победителей! Солнце Аустерлица... Солнце Марны, останься нам верным! Согревай всегда наши сердца и древнюю землю Франции!»

Заведующий протокольным отделом приступает к поименному вызову немецких делегатов, а затем, в порядке очередности, всех делегаций, министры которых будут подписывать договор.

В три часа пятьдесят минут подписание договора полномочными представителями заканчивается. Раздается гром орудийных салютов в честь победы, и его раскаты усиливают слова Клемансо: «Господа, все подписи поставлены. Подписание условий мира между союзными и присоединившимися державами и Германской республикой свершилось. Карта освобожденного мира окончательно установлена. Заседание закрывается!»

* * *

После этого главы государств, министры, генералы, дипломаты направляются в парк.

Клемансо отделяется от общего шествия, так как он желает пройти вместе с Вильсоном и Ллойд Джорджем.

Охваченная энтузиазмом толпа приветствует трио. Союз этих трех людей представляется ей надежным залогом мир-

ного и цветущего будущего.

И тем не менее!

18 января 1919 года президент Французской республики Пуанкаре, торжественно открывая в отеле «Крийон» работу Мирной конференции, сказал: «Господа, ровно сорок восемь лет назад в Зеркальном зале Версальского дворца была провозглашена Германская империя. Сегодня мы собрались здесь для того, чтобы разрушить и заменить то, что было создано в тот день».

Глядя на проходящее мимо трио, Бернард Шоу, всегда полный сарказма, произносит: «Пять месяцев переговоров слишком похожи на историю о “десяти маленьких туземцах”, которые в результате различных приключений исчезают один за другим, пока наконец десятый не остается один! Разве мы не видели, как сначала заседал Совет десяти, затем Верховный Совет пяти, затем Совет четырех и наконец Совет трех, тех самых, кому толпа сейчас аплодирует. Они и есть строители новой Европы».

Весь Париж знает, что именно президент Соединенных Штатов Вудро Вильсон постоянно брал верх над Клемансо и Ллойд Джорджем! Всем известно, что Вильсон не очень хорошо знает Европу, но что он считает себя посланником Бога, которому предназначено принести человечеству новый порядок; всем известно, что Вильсон прежде всего потребовал создания Лиги Наций, повторяя при этом:

«Лига Наций должна действовать как организованная мо-

ральная сила людей всего мира, чтобы озаряющий свет человеческого разума, сконцентрировавшись, выступил против всякого несправедливого акта или любой преднамеренной агрессии и чтобы великий голос человечества строго спросил: “Какие намерения питаете вы в вашем сердце против мира и спокойствия народов?”»

Благодаря энергичному вмешательству муниципальных гвардейцев удастся отделить «трио» от участников конференции и гостей, которые медленно направляются в фойе театра.

Престарелый председатель сената Леон Буржуа, один из участников подготовки договора, в который раз рассказывает элегантному председателю палаты депутатов Полю Дешанелю о знаменитом заседании конференции 8 марта:

«Президент Вильсон, положив руку на Библию, прочитал нам Устав Лиги Наций под аплодисменты, довольно сдержанные, одного Клемансо. Но сенат в Вашингтоне не хочет быть втянутым в войну. Вот почему Вильсон опустил в тексте договора все, что могло бы повлечь за собой автоматическую военную помощь государству, подвергнутому несправедливому нападению. Бельгия и Франция получают достаточно времени для того, чтобы подвергнуться удушению, прежде чем будет принято только лишь решение о вступлении в действие Лиги Наций».

И в заключение мрачно настроенный Леон Буржуа добав-

ляет: «Подумать только, что за три дня до этого я сам предложил снабдить Лигу Наций средствами, способными заставить уважать ее решения... армией. Но президент Вильсон настоял на отклонении моего предложения».

* * *

Все толпятся в буфете театрального фойе. Отовсюду слышны лишь критические замечания.

Четырех из пяти французских полномочных представителей по заключению мирного договора (министра иностранных дел Пишона, министра финансов Клотца, бывшего французского посла в Берлине Жюля Камбона и Андре Тардьё) безжалостно засыпают градом вопросов.

Только одни из четырех, Андре Тардьё, жестикулируя мундштуком, сияет от удовольствия. Он расхваливает договор: «Мы перекроили Европу согласно концепциям права и справедливости, – говорит он. – Мы создали новые страны. Польша и Чехословакия вновь обрели свою независимость. Можно, конечно, критиковать Версальский договор, но кто смог бы сделать лучше?»

С грустным видом посол Жюль Камбон отвечает: «Да, но не забывайте, что третьего марта в Вашингтоне сенатор Лодж увлек за собой тридцать восемь из шестидесяти своих коллег, которые вместе с ним проголосовали против какого бы то ни было участия Америки в организации мира и Лиге

Наций, и что десятого июля этого года американский сенат, не заботясь об обязательствах, принятых сегодня, проголосует за возвращение Америки к политике изоляционизма».

Министр иностранных дел Стефан Пишон, которому непрерывно задают вопросы, признается: «К пятнадцатому марта Вильсону и Ллойд Джорджу удалось убедить Клемансо отказаться от требования французов обосноваться на Рейне. С тех пор маршал Фош все время выступает против договора. “Если нам не будет предоставлена эта военная граница, – неоднократно повторял он, – то Франция и Бельгия останутся открытыми для вторжения и нас снова ожидает разгром...”»

Самые ответственные чиновники различных министерств все еще потрясены следующим фактом.

Отказ от постоянной оккупации французами Рейна показался президенту республики Пуанкаре настолько серьезной ошибкой, что он решил подать в отставку. 28 апреля он направил Клемансо пространное письмо, дабы предупредить его, что, согласно полученной им информации, «Англия и Америка практически никогда не окажут Франции поддержки в применении договора».

Окруженный толпой со всех сторон, генерал Вейган, страстно и ясно излагающий свои мысли, отвечает каждому и рассказывает, что на заседании Совета министров, предшествовавшем пленарному заседанию конференции 6 мая (на котором делегатам двадцати шести стран был роздан

текст договора), маршал Фош потребовал, чтобы в последний раз были изложены причины, в силу которых договор не может считаться обеспечивающим Франции необходимых гарантий ее безопасности. Маршал настаивал на том, чтобы Верховный совет пересмотрел свои решения.

Клемансо был взбешен. Он ответил Фошу:

«Поскольку маршал не входит в состав Совета министров, ему остается только удалиться. Министры обсудят этот вопрос между собой».

После этого наступило время вечернего чаепития. Атмосфера была удручающая. Затем четверо встречаются вновь. И после окончания заседания Клемансо ограничивается тем, что говорит Фошу: «Ответа не будет. Членам Верховного совета надлежит “рассматривать”, а не “доказывать”».

* * *

К счастью, пересуды элегантного «всего Парижа» меняют атмосферу. Принцесса Фосиньи-Люсэнж, маркиза д'Орнано, графиня д'Оссонвиль почти сожалеют о подписании договора! Конец головокружительному ритму приемов!

Конец обедам у лорда Бальфура, куда привозили Сару Бернар, лишившуюся недавно ноги после ампутации... Конец вечерним представлениям в опере, где президент Польской республики Падеревский вызывал сенсацию, появляясь в президентской ложе и приветствуя широким театральным

жестом зрителей, которые вставали и от восторга топали ногами, в то время как присутствовавшие в зале англичане ворчали: «О чем думают эти поляки, прислав пианиста в качестве полномочного представителя!»

Цвет мужской части «всего Парижа» – герцог де Монморанси, барон Гурго и герцог де Шуазель – подтрунивают над неудачами старой мадам де Витт-Шлюмбергер в ее крестовом походе за право голоса для женщин. «Президент Вильсон нередко любезно разговаривал с ней, – иронизируют они, – но Клемансо всегда плохо принимал ее. Как только дверь закрывалась за ней, “Тигр” рычал: “Если бы мы были в протестантской стране, я дал бы им их право голоса, но в стране католической я этого не сделаю... я не хочу возвращаться к средневековью”».

У Бриана феминистки будут иметь не большой успех! «Если бы я предоставил им право голоса, – ворчал Аристид (Бриан П. – Примеч. ред.), – то мне все-таки пришлось бы поцеловать некоторых из них... а они всегда так уродливы!»

* * *

Некоторые вспоминают критические замечания по адресу договора, на которые не скупилась парламентарии.

«Проблема европейского равновесия и в самом деле, кажется, ускользнула от участников переговоров», – говорил Шарль Бенуа в кулуарах Бурбонского дворца Морису Барре-

су, который, в свою очередь, заметил: «Подумайте, что если когда-нибудь Австрия присоединится к Веймарской республике, то тем самым с избытком будут компенсированы для Германии территориальные потери, понесенные ею: Эльзас-Лотарингия и польские земли!»

А академик-историк Жорж Гуано в заключение говорил: «Следовало бы послушать Жюля Камбона и обязать входящие в состав имперской Германии государства, каждое в отдельности, подписать мирный договор. Подписание мира одной только Веймарской республикой не возлагает ответственности на все государства».

Воцаряется молчание, ибо каждый вспоминает, что Клемансо ответил Жюлю Камбону: «Никогда в жизни, никогда нам не оплатят наших потерь. А вы, вы – упорный сторонник старых предрассудков, вы хороши лишь для дипломатии времен Реставрации или даже Людовика XIV».

«Но в сущности, – добавляет Гуайо, – расчленить надо было именно Германию, а не Австрию!»

* * *

Некоторые, относящиеся к договору более терпимо, вспоминают о покушении на Клемансо 19 февраля 1919 года, вследствие чего поневоле серьезно замедлилась работа конференции. Жорж Мандель рассказывает: «Хирургам, лечившим премьер-министра Клемансо, не всегда приходилось

сладко».

– Итак, дорогой премьер-министр, что же произошло? – сказал, входя, хирург Госсэ.

– Произошло то, что у меня в спине пуля и ее надо оттуда извлечь!

– Одну минуту, сначала я должен вас выслушать!

Клемансо с нетерпением ожидает конца осмотра.

– А теперь поторопитесь извлечь ее!

– Ни за что на свете, – говорит Госсэ.

– Вы не хотите ее извлечь?

– Нет.

– Я вам приказываю извлечь эту пулю!

– Я ее не извлеку.

– Госсэ, вы каналья!..

– Очень может быть, что я и каналья... но я ее не извлеку!

И кроме того, сохранив в себе эту пулю, вы увеличите вашу популярность!

Клемансо смотрит на него, пожимает плечами и восклицает:

– Уф... уф... Что такое популярность? Это всего лишь си-роп оршада!

– Господин премьер-министр, вам нужно принять морфий.

– Морфий? Морфий? – кричит Клемансо. – Вы хотите, чтобы я немедленно окошел? Уж не подкуплены ли вы большевиками?

На залитый огнями Париж опускается вечер 28 июня 1919 года.

Среди огромного количества народа, среди шума и взрывов осветительных ракет идут одно за другим факельные шествия к площади Согласия, по бульварам и к статуе Бельфорского льва. Яркие освещенные памятники отражаются в Сене.

Незнакомые люди обращаются друг к другу!

С балкона театра Оперы мадемуазель Демужо поет «Марсельезу». С Эйфелевой башни летят в небо и на Париж огромные вращающиеся снопы лучей трех национальных цветов.

Повсюду песни, танцы, шествия, балы!!!

Выходя поздно вечером из министерства иностранных дел, несколько дипломатов во фраках и цилиндрах медленно спускаются по широкой лестнице.

Прощаясь, они приходят к общему выводу: «Германия сумеет использовать франко-английские разногласия, которые отчетливо проявляются во всех статьях договора. В особенности она постарается использовать противоречия между Версальским договором и Уставом Лиги Наций. Действительно, добавляет Морис Палеолог (тот стремительный посол, о котором Клемансо еще накануне говорил: «Это какое-то животное. Когда я его слушаю, я всегда бываю оглу-

шен, но никогда ничего не понимаю!»), Устав предусматривает пересмотр договора. Версальский договор не допускает никакого пересмотра. Устав Лиги Наций отвергает систему союзов и навязывает систему «коллективных пактов»; Версальский договор укрепляет военные союзы и исключает из коллективных пактов бывшие вражеские державы. Эти при- скорбные противоречия могут привести нас, как с той, так и с другой стороны, лишь к самым страшным безумиям!»

У решетки здания на Кэ д'Орсэ швейцар спрашивает: «Итак, господин посол, все-таки это победа?» – «Да, – отвечает Жюль Камбон, – это победа! Весь мир считает, что все кончилось... но я – я задаю себе вопрос: что же начинается?»

* * *

Уходя из посольства Англии на улице Фобур Сент-Онорэ, английский экономист Мейнар Кейнс, прощаясь с Ллойд Джорджем, говорит ему: «Если я правильно понимаю, создатели мирного договора добились скорее подписания, чем урегулирования».

На улице Сен-Доминик, в полумраке своего кабинета, Клемансо (вернувшись с вокзала Сен-Лазар, где он провожал президента Вильсона) принимает поздравления своих ближайших сотрудников.

«То, что я сделал для мира, это пустяки, – говорит он Тардье. – То, что я еще сделаю, прежде чем умру, также

будет незначительно. Все предстоит сделать моим преемникам, так как этот договор является непрерывным становлением, если только он не будет полным провалом!»

Перед Жоржем Манделем он даст волю своей злобе на Ллойд Джорджа: «Я не прощу ему, что второго июня он еще угрожал мне снять свою подпись под условиями мира, если я не буду в значительно большей мере принимать во внимание немецкие контрпредложения!»

После наступившего молчания Жорж Мандель напоминает ему: «Господин премьер-министр, а ваша завтрашняя речь в парламенте о договоре... Когда вы будете готовить ее? Страна ждет ее!»

Отпустив всех, «Тигр» садится за свой письменный стол. Он пишет: «Господа, отныне Франция и ее союзники выполнили миссию спасения человечества. Настал день, когда сила и право, до сих пор опасным образом разъединенные, должны объединиться, дабы обеспечить мир для народов, занятых своим трудом. Пусть человечество воспрянет, чтобы жить полной жизнью!»

Глава 2. В Лиге Наций

Прекрасная эпоха Протокола. – «Создание мира требует больше мужества, чем война». – Женевский кавардак. – Вечера в «Отель де Берг». – Фермеры Бриан и Лушер. – Лебеди с острова Жан-Жака Руссо. – Суждение Политиса.

А время идет...

17 июня 1924 года в палате депутатов председатель Совета министров Эдуард Эррио, победивший на выборах 11 мая, выступает с министерской декларацией.

Эдуард Эррио обещает отказаться от политики силы и проводить политику сотрудничества с Германией на базе соглашения с Англией.

В Лондоне лейбористы только что пришли к власти.

В Берлине – заседание рейхстага. Канцлер Густав Штретземан заявляет: «Германия должна играть картой примирения с Францией...»

Лондон, 16 августа. Эррио, Болдуин и Макдональд обсуждают «план Дауэса», который должен урегулировать вопрос об уплате репараций. Все трое согласны с основными идеями нового плана всеобщей безопасности.

Приверженцы старой дипломатии, как всегда желчные, заявляют: «Повсюду наша страна безуспешно пытается обеспечить свою безопасность путем заключения специального

соглашения с Англией, но политика Пуанкаре подвергла Антанту слишком тяжелому испытанию».

Они добавляют: «Что касается Лиги Наций, то она предлагает как для Англии, так и для Франции некую систему всемирного правительства. Но, кроме этого, нужно еще, чтобы Париж и Лондон имели намерение использовать эту организацию в одинаковых целях. Но вспомните, – заключают они, – что для Пуанкаре Лига Наций – это орган, который должен следить за выполнением договоров, это инструмент французской безопасности, тогда как для Макдональда Лига Наций – это организация примирения и инструмент для мирного пересмотра договоров».

Тем не менее Эдуард Эррио, на основании идей, с которыми согласились Болдуин и Макдональд, выработал «протокол о мирном урегулировании международных конфликтов».

На этих днях он предложит его Ассамблее Лиги Наций. Он полагает, что «это будет историческим событием, которое изменит к лучшему международное положение и обеспечит наконец безопасность Франции».

И в печати, перечисляя вкратце неудачи Франции, следовавшие одна за другой в течение пяти лет на различных конференциях в Вашингтоне, Генуе, Спа, Булони и Каннах, пишут: «Вот наконец первый счастливый поворот в международной политике с момента подписания Версальского договора».

Первое сентября 1924 года. На Женевском вокзале дипломаты и делегаты сорока восьми стран с боем берут автобусы гостиниц и такси.

«Это как в Довиле¹ в разгар сезона», – говорит Ага Хан. «Нет, Ваше высочество, это Женева, ставшая столицей все-ленной», – отвечает президент Гельветической² республики, пришедший встречать высокопоставленных делегатов.

Владельцы женевских гостиниц становятся господами положения. «Министры, и те вынуждены довольствоваться комнатами для курьеров», – отвечают они даже самым ответственным членам французской делегации.

Испокон веков французская делегация избирала своим местопребыванием гостиницу «Отель де Берг» на набережной Роны.

В холле этой гостиницы сегодня утром столько же высокопоставленных лиц, как и на Венском конгрессе! Приветственные возгласы: «Да здравствует Эррио!» И тотчас же молодой председатель Совета министров Франции, в черном сюртуке, со шляпой в руке, улыбаясь, заявляет первому де-

¹ Довиль – приморское местечко во французском департаменте Кальвадос. – Здесь и далее примечания редактора.

² Швейцария в период войн Французской революции конца XVIII века и Наполеона I называлась Гельветической республикой.

легату Бельгии барону Тенису, на котором серый жилет и лакированные ботинки:

«Учитывая провал пактов ограниченной безопасности, я ставлю своей целью создание пакта всеобщей безопасности. Протокол дает возможность даже какому-либо одному государству, подвергшемуся несправедливому нападению, рассчитывать на мобилизацию сил всех других государств, входящих в Лигу Наций».

Внешняя политика нового председателя Совета министров отличается большим великодушием.

«Оставить Россию вне концерта европейских держав – это значит все больше толкать ее на союз с Германией, – говорит мне Эррио. – 28 октября я подпишу соглашение о восстановлении отношений между Парижем и Москвой. Это будет конец политики “колючей проволоки”».

* * *

Ассамблея Лиги Наций заседает в одном из религиозных концертных залов – в зале Реформации гостиницы «Виктория».

В его до смешного малых служебных помещениях теснятся все выдающиеся деятели сорока восьми государств.

Какой-то динамический энтузиазм исходит в этот день от собрания представителей всего мира!

И в самом деле, существует общая вера в создание меж-

дународной системы, которая обеспечит поддержание мира по крайней мере на долгие годы.

Какая пестрая толпа! Направо индийский магараджа с воинственно торчащими усами расхаживает в голубом тюбане с султаном и в черном сюртуке. Налево – персидский князь, у которого косящий глаз и опущенные книзу усы. Его как бы подталкивает целый клан чернокожих людей в широких накидках. Это абиссинские феодалы, которые следуют за своим повелителем Албаволо.

Очаровательная женщина в зеленом платье, Руфь Морган, председатель Союза американских избирательниц, говорит: «Это в моем доме было написано письмо, которое подписали полтора миллиона человек и в котором выражено наше желание добиться разоружения». Она добавляет: «Совместно с Институтом Карнеги я провожу изыскания с целью установления принципов совершенной системы международного воспитания детей, и я требую, чтобы начали со всеобщего обмена куклами!»

Преподаватель американского университета Шотуэлл высказывается за то, чтобы объявить войну вне закона.

Поверенный в делах Китая Тан Цзе-фу говорит своим мягким голосом: «Китай уже три тысячи лет требует арбитража. В настоящее время мы испытываем доверие к Лиге Наций».

Сюда, конечно, понаехали из всех стран люди, одержимые какими-нибудь навязчивыми идеями, имеющие свой люби-

мый «конек».

Эмиль Дюфрэ, преподаватель французского языка в Сен-Годенсе, который уже два десятка лет мечтает о создании «международного общества по охране соловьев», также находится здесь. А по обе стороны от него – два вождя племени сиу³ в парадной форме, рассчитывающие, что Лига Наций возвратит им Америку!

Бывшие побежденные образуют группу в одном из углов зала. Среди них выделяется затянутый в сюртук в стиле Франца-Иосифа первый делегат Венгрии – восьмидесятилетний граф Аппоньи с белой бородой и ушами фавна. Он слышит, как кто-то говорит о «незыблемости договоров», и, возмущившись, заявляет: «Нет ничего незыблемого! Я видел рождение французской империи, германской империи и австрийской, и я видел, как они исчезали. Как же после этого не относиться скептически к продолжительности государственных институтов, созданных людьми?»

Тишина! Английская делегация проходит через зал. Во главе ее Макдональд с его роскошной седой шевелюрой, за ним следует совсем маленький лорд Пармур, большой специалист по вопросам морали.

Теперь появляется краснолицый маленький Кинонес де Леон, личный друг Альфонса XIII и глава испанской делегации.

Затем входит красивый мужчина высокого роста, с бла-

³ Племя индейцев, проживающее в Северной Америке, в штате Айова.

городной гордой осанкой, с пресыщенным и презрительным видом – министр иностранных дел Польши Александр Скржинский. «Польша, господа министры, Польша!» – повторяет он.

Вот гордые, как Артабан,⁴ великие победители последней войны – маленький чех Эдуард Бенеш, высокий румын Титулеску, югослав Маринкович, за которыми следуют делегаты Южной Америки – красивый бразилец Фернандес и представители всех латиноамериканских республик.

Общее движение любопытства. Входит французская делегация. Во главе ее Эдуард Эррио, в черном сюртуке, взволнованный и счастливый. За ним Аристид Бриан, которого в Женеве еще никто не знает, экономист Лушер, Анри де Жувенель, Леон Буржуа, Жорж Боннэ.

Еще одна делегация – делегация империи восходящего солнца! Виконт Исии, сопровождаемый своим министром иностранных дел Адати, очень спешит и с трудом протискивается в зал, где, начиная с партера и до галерки, так же как и на балконе для прессы, сплошная давка.

Подлинный энтузиазм!

Да здравствует Эррио!.. Да здравствует Макдональд!..

Делегат Греции юрист Николай Политис ликует:

– Вот наконец требуемая Вильсоном открытая дипломатия! – восклицает он. – Главы двух великих европейских

⁴ Артабан – герой романа де Ля Кальпренедра «Клеопатра», полный гордости характер которого вошел в поговорку – горд, как Артабан.

держав прибыли для открытого урегулирования международных вопросов!

* * *

Не обращая внимания на пюпитр и микрофоны, Эррио, не имея в руках никаких записей, выходит на край эстрады.

– Создание мира, – восклицает он, – требует больше мужества, чем война. Франция предлагает вам для общего дела все, что она имеет разумного, сердечного, страстного, светлого и весь свой опыт, оплаченный ею веками испытаний; она знает, что значит иметь непрочные границы. Ни в чем не повинная вчера – да, не повинная, я клянусь в этом, – с еще не зажившими ранами сегодня, Франция протягивает всем вашим странам свою братскую руку. Несмотря на свои страдания, она хотела бы знать о несчастьях всех народов мира, чтобы помочь облегчить их. Полная печали перед своими собственными руинами, она была бы рада, если бы увидела, как на огромных развалинах войны благодаря нашим совместным усилиям вырастает этот божественный цветок – мир!

И его Протокол о мирном урегулировании международных конфликтов, в основе которого лежат три принципа – арбитраж, безопасность и разоружение, – одобряется бурными аплодисментами.

* * *

Макдональд сменяет Эррио на трибуне. Он пользуется и пюпитром, и микрофоном. Глядя на аудиторию поверх своих очков, он наставительно проповедует.

Но в этом порыве библейского великодушия он поясняет: «Что же касается Англии, то она полагает, что взаимная помощь могла бы быть с выгодой заменена разоружением. Разоружение с неизбежностью вызвало бы к жизни безопасность, а отсюда само собой вытекала бы необходимость арбитража».

Тем не менее 2 октября 1924 года сорок восемь делегатов единодушно проголосовали за принятие французского Протокола, согласно которому арбитраж между народами логически должен был порождать безопасность, что, в свою очередь, создавало бы возможность для разоружения.

Подлинный поток энтузиазма, казалось, увлек сорок восемь руководителей государств на тропу мира!

* * *

Каждый вечер около десяти часов в зеленом салоне «Отель де Берг» начиналось то, что вскоре весь мир стал называть «желевскими вечерами».

Один за другим здесь появлялись Эррио, Анна де Ноайль, румынская делегатка Елена Вакареску, Политис, Поль Валери, историк Ферреро, Титулеску, Бенеш и другие.

Эррио рассказывает о своей жизни в Латинском квартале, когда он одолжил пять франков Верлену на его сентиментальные приключения; потом говорит о Наполеоне, которым он восторгается: «У меня есть наброски театральной пьесы в стиле Бернарда Шоу... Наполеон бежит с острова Святой Елены и поселяется в Америке!!!»

Анна де Ноайль, которая всегда говорит о любви, задает вопрос: «Какое из любовных писем, по вашему мнению, является самым прекрасным?»

Поль Валери считает таковым письмо португальской монахини. Эррио отдает предпочтение письму мадемуазель де Лепинас. Ученый Политис напоминает об Аспазии. Елена Вакареску, поэтесса и румынская делегатка, безутешная невеста короля Румынии, со своим неподражаемым акцентом восклицает: «Для меня существует одно-единственное настоящее любовное письмо, самое короткое, состоящее из одного слова: “Приди!”»

К двум часам ночи бармен «Отель де Берг» итальянец Карло Бельтрамо, который слушает Эррио с разинутым ртом, предлагает свои последние изобретения: коктейль «Лига Наций», напиток «Протокол» и оранжад «Арбитраж».

С гордостью он передает Эррио маленькую, только что им написанную брошюру, которой он явно весьма доволен:

«Эликсир богов, Женева – столица наций».

В ней написано: «Знайте, о делегаты, что сама жизнь представляет собой коктейль, рецепт которого нам суждено менять до бесконечности: пять десятых любви, три десятых иллюзий, две десятых наплевательского отношения. Достаточно хорошее определение. С возрастом надо сильно увеличить дозу наплевательского отношения за счет иллюзий и любви. Следует обратить внимание на то, что самое горькое не кажется неприятным в хорошо приготовленной смеси. Все в мире оплачивается, и нельзя быть уверенным, что сам Бог, властитель времени, не будет вынужден регулировать распределение столетий!»

И делегаты спешат приобрести эту маленькую брошюрку, чтобы сохранить ее на память.

Долго еще не смолкает смех.

Звонит телефон. Эррио берет трубку, затем сообщает: «В Париже левое большинство с воодушевлением встретило мою речь и Протокол. Но Пуанкаре и правые не одобряют их!»

На следующий день Эррио покидает Женеву.

* * *

Несколько раз в неделю под сводами беседки маленького ресторанчика «Шалэ дю лак» Бриан завтракает с Лушером. «Пара неразлучных», – так говорят о них жители Жeneвы.

Сгорбленный, с взлохмаченными волосами, Бриан грустно усмехается. Его черный, плохо скроенный пиджак слишком мал для него и подтверждает слова Анны де Ноайль, которая, видя Бриана в кулуарах «Отель де Берг», всегда говорит: «Если бы это не был министр, я бы сказала, что это налетчик!»

У Луи Лушера большая круглая лысая голова и живые глаза. Он уже пятнадцать раз был министром, и именно он подписывал первый франко-германский торговый договор.

Сейчас, в начале сентября 1924 года, Лушер хочет получить от Бриана обещание дать ему портфель министра финансов в своем будущем кабинете.

Насмешник Бриан, который знает страсть Лушера к старинным книгам, отвечает ему в том же духе:

– Хорошо, я согласен, но при условии, что вы мне найдете какое-нибудь любовное письмо Кальвина.

Чувствуя, что его друг начинает соглашаться, Лушер, смеясь, спрашивает:

– Должно ли это письмо носить ярко выраженный любовный характер?

И снисходительно великодушный Бриан успокаивает Лушера:

– Нет, достаточно того, чтобы оно имело лишь любовный оттенок!

(Через несколько месяцев, став председателем Совета министров, Бриан сдержит свое слово.)

Будучи оба крупными земельными собственниками, они уделяют много внимания своим фермам. Оба любят поспорить о своих телятах и об увеличении поголовья своих коров!

— За сколько вы продали последний раз своих коров? — наступая, спрашивает Бриан.

Лушер вынужден констатировать, что он продал своих коров дешевле, чем Бриан. Но зато он расхваливает только что примененный им способ увеличения яйценоскости своих кур вдвое!

— В своем курятнике в Марли я велел устроить искусственное освещение. Таким образом, мои петухи и куры встречают восход солнца в любое время дня. И результат: куры несут яиц в два, часто в три и даже в четыре раза больше!.. Ну что вы об этом скажете, Бриан? Конечно, на ваших нормандских фермах в Кошреле нет ничего подобного!

Бриан отвечает:

— Да, да... но подумали ли вы о том, что, выполняя в три или четыре раза больше работы, ваши петухи и куры подохнут в три или четыре раза быстрее? А если учесть стоимость петухов и кур, то скорее выгадываю я, давая им возможность спать в Кошреле.

Лушер с самым серьезным видом помечает в своей записной книжке: «Изучить вопрос о себестоимости петухов и кур».

Каждый вечер Бриан и Лушер вместе прогуливаются по

набережной Роны перед гостиницей «Отель де Берг». Бриан облакачивается на парапет напротив острова Жан-Жака Руссо. Для лебедей и уток, обитателей озера, построены на острове маленькие домики.

Драки, которые всегда начинает большой лебедь, отнимающий у маленьких уток кусочек хлеба, брошенный им Брианом, приводят последнего в восхищение.

— У людей и у животных, — восклицает он, — одни и те же нравы! Всегда все гонятся за куском хлеба! Но посмотрите на этих маленьких уток, которые все объединились против большого лебедя и в конце концов одолели его! Это утешительно для будущего малых стран в Лиге Наций!

Лушер пристально смотрит на бегущие воды Роны. Он объясняет Бриану, какую движущую силу для промышленности можно было бы извлечь из этой реки. Бриан, предавшись мечтам, бормочет: «Ах, старая Рона, ты видишь, они, конечно, кончат тем, что и тебя заставят работать! Но я — я сильнее тебя, и никакая сила в мире никогда не сможет победить мою божественную лень или направить в определенное русло течение моей судьбы!»

* * *

К концу сессии Ассамблеи Бриан покорен Женевой и Лигой Наций.

— В конце концов, — говорит он, — эта Лига Наций являет-

ся живой и пластичной материей, над которой можно работать. Это решающий поворотный пункт: синтез всего мира постоянно у вас перед глазами!

И сессия заканчивает свою работу на том, что юрист Политис высказывает следующее суждение:

– Если бы Протокол премьер-министра Эррио не привел к подлинному франко-английскому согласию, то Лига Наций не выполнила бы свою задачу!

Глава 3. Локарно...

Локарно... Все прекрасно...

Победители и побежденные взаимно гарантируют друг другу безопасность. – Анна де Ноайль, Пифагор и Поль Пенлеве. – Виконт Исии и харакири. – Вандервельде, Муссолини и пресса. – «Ура! Мир обеспечен!» – Дневник лорда д'Абернона. – На пароходе «Регина Мадре». – Пуанкаре не нравится Локарно. – Локарно на Монмартре.

Время идет.

Второе марта 1925 года. Созывается расширенное заседание английского кабинета для обсуждения Протокола Эррио. Болдуин не принимает участия в голосовании, так как его мать больна и он сидит у ее изголовья. И английское правительство большинством в один голос отказывается подписать Протокол...

Правительство Эррио свергнуто, на смену ему пришло правительство Пуанкаре – Бриана... Франко-германское сближение по-прежнему не движается с мертвой точки, так же как и проблема безопасности. Репарационный вопрос все больше разъединяет союзников. Франция все время добивается создания более определенной системы безопасности, чем та, которая вытекает из Устава Лиги Наций...

Двадцать пятое апреля. Триумфальное избрание фельд-маршала Гинденбурга президентом Веймарской республики...

Союзники считают, что в Германии пробуждается национализм и милитаризм...

Первое июля. Приступили к эвакуации Рура, начиная с кёльнской зоны. Газеты объявляют о прекращении межсоюзнического военного контроля с 1 января 1926 года...

На международном горизонте появилась новая надежда. Министр иностранных дел Бриан заканчивает дипломатические переговоры о новом, расширенном Рейнском пакте – договоре еще неизвестного до сих пор типа, в котором впервые победители и побежденные гарантируют друг другу безопасность.

Крупные международные юристы ликуют. Они излагают основные положения этого нового соглашения:

«Франция и Бельгия, с одной стороны, и Германия – с другой обещают друг другу не начинать военных действий, за исключением случаев законной обороны или нарушения статей Версальского договора о демилитаризации Рейнской зоны.

Англия и Италия своими вооруженными силами гарантируют взаимные обязательства.

Объединенные вооруженные силы Чехословакии, Польши, Румынии и Югославии (приблизительно около шестидесяти дивизий), уже связанных с Францией военными до-

говорами, окажут значительную поддержку в случае нового франко-германского конфликта».

Наконец, юристы подчеркивают, что этот новый договор навязывает Германии войну на два фронта: «Если на западе Германия захочет когда-нибудь напасть на Францию, – говорят они, – то на востоке Германия должна будет столкнуться с поляками и чехами, поддерживаемыми румынами и югославами».

Уже 15 августа газеты сообщают, что новый договор будет подписан в Локарно сразу же после окончания 6-й сессии Ассамблеи Лиги Наций, которая открывается в Женеве 1 сентября.

В связи с этим международная пресса извещает, что Бенито Муссолини, находящийся у власти уже три года, но до сих пор еще не пользующийся популярностью, направится в Локарно. Итальянские газеты «Империо» и «Ресто дель Карлино» выражают намерение дуче добиться для Италии политических и экономических возможностей для восстановления Римской империи. Но никто не обращает внимания на эти высказывания...

* * *

Женева, 1 сентября 1925 года. Новый председатель Совета министров Поль Пенлеве прибывает вместе с французскими делегатами и министром иностранных дел Аристидом

Брианом. Он заявляет:

«Периоды энтузиазма сменяются иногда периодами менее блистательными, но полезными, то есть периодами приспособления и урегулирования действительности».

* * *

Между тем Женева как никогда привлекает избранных всего мира. Известная поэтесса Анна де Ноайль прибыла вместе с Пенлеве. «Он единственный, кто заставил меня полюбить Пифагора», – говорит она.

Вечером Пенлеве, как всегда в своем сером сюртуке, благодаря которому он получил прозвище «маленький капрал мира», работает в своей комнате в «Отель де Берг». Бриан, Лушер и сенатор Памс мирно беседуют в знаменитом зеленом салоне.

Анна де Ноайль обращается к ним:

– И вам не стыдно так сидеть, развалясь в креслах, в то время как премьер-министр работает? Или это и есть то, что у французских министров называется управлять страной?

Бриан насмешливо отвечает:

– Анна, вы к нам несправедливы. Согласитесь, что в то время, как премьер-министр работает, мы могли бы пойти спать, вместо того чтобы ожидать здесь результатов его бодрствования. Возможно, что мы не работаем, но мы и не спим. Именно на этом и основывается министерская соли-

дарность!

Несколько дней спустя Бриан завтракает в гостинице «Бориваж» с Остином Чемберленом. Последний говорит ему:

– Совершенно очевидно, что ваша сила была бы непреодолима, если бы мы задумывались о средствах нашей политики столь же усердно, сколько мы думаем о ее целях. Но это означает, что мы, англичане, должны были бы уже сто или пятьдесят лет тому назад вменить себе в обязанность наряду с развитием имперского флота установить всеобщую воинскую повинность для создания сухопутной армии. Мы народ практичный, который стремится вести свою политику столь же благоразумно, как и свои торговые дела.

Но Бриан прерывает его речь с целью напомнить, что война 1914 года стоила Англии огромных затрат, которых, вероятно, можно было бы избежать, если бы Англия производила именно те расходы, от каковых она, по мнению Чемберлена, избавилась. Чемберлен отвечает ему: «Пусть так, но всеобщая воинская повинность и вооружение в мирное время стоили бы нам каждые десять лет в десять и двадцать раз дороже и, сверх того, повели бы к потере нами привилегированного положения по сравнению с конкурирующими державами. Вы полагаете, что, смело идя на большой риск, мы в конечном счете не совершили выгодной операции? Не думаете ли вы, что наше экономическое и дипломатическое положение было бы лучше, если бы мы менее рассчитывали на наши национальные силы и заплатили бы, трусливо забо-

тась о безопасности, такую страховую премию, которая бы нас разорила?»

Но Бриан улыбается – это его не убеждает!

* * *

И тем не менее в этот вечер Бриан задумчив.

На него произвела тяжелое впечатление впервые появившаяся оппозиция Уставу Лиги Наций, которую он заметил у одного из членов Лиги Наций, и он рассказывает:

«Во время обсуждения сегодня утром статьи, устанавливающей условия, при которых могут быть применены санкции к государству, нарушившему созданную мирными договорами систему отношений, первый делегат Японии виконт Исии предложил поправку. Эта поправка лишала Лигу Наций малейшей возможности потребовать применения каких-либо санкций против какого-либо государства, если хотя бы один член Совета мог бы заявить, что “государство-агрессор действовало по причинам, определяющимся внутренней политикой”. Это весьма красноречиво свидетельствует об экспансионистских целях Японии в Китае!»

Повернувшись тогда к виконту Исии, я говорю ему:

– Поясните вашу точку зрения!

Своим обычным тихим, спокойным и приятным голосом он отвечает мне:

– Когда вы заболеваете, что вы делаете?

– Посылаю за доктором, – говорю я ему.

– Совершенно верно, – замечает Исии. – А если врач говорит, что ничего не может сделать?

– Тогда, – отвечаю я, – я пошлю за хирургом!

– Правильно, – продолжает Исии, – а если хирург скажет, что не может оперировать вас? Что вы будете делать?

И, поскольку я не отвечаю, Исии говорит спокойно:

– Тогда вы сделаете себе харакири!

«Это предвещает нам очень трудные дни в Лиге Наций, – говорит в заключение Бриан, – так как, чтобы обеспечить свою экспансию, Япония не поколеблется подорвать эту организацию».

* * *

Четвертого октября вся французская делегация в полном составе направляется на поезде в Локарно – место, выбранное для подписания нового договора.

Теплое осеннее солнце. Очаровательная страна, мирная атмосфера!

Мягкий осенний климат побережья Большого озера лучше всего будет способствовать последним переговорам.

Жители Локарно собрались перед гостиницей, чтобы увидеть прибытие нашей делегации.

Немецкие журналисты, которых почти не было видно со времени подписания Версальского договора, уже давно здесь.

Они тотчас вступают в разговор с французами: «Для нас слово “безопасность” имеет совсем другой смысл, чем для всех вас в Лиге Наций! Для вас “безопасность” означает бездеятельность Германии в ее теперешних границах! А для нас, немцев, “безопасность” означает свободу действий!»

В Локарно уже прибыл министр иностранных дел Германии Густав Штресеман. Этому толстому человеку с квадратной головой и лицом, как у мертвеца, с огромными тусклыми глазами и каким-то металлическим голосом присуща своего рода дипломатическая гениальность. Он умеет лукавить со своими собеседниками.

Из своего вандейского уединения Клемансо предупреждает Бриана: «Будьте внимательны, опасайтесь Штресемана!»

Седьмого октября прибывает сияющий чешский министр Эдуард Бенеш.

На следующий день приезжает его неистовый польский коллега – граф Скржинский. «Как будут выполняться союзнические обязательства Франции в случае нападения Гер-

мании на Польшу или Чехословакию? Если Франция после этого выступит против Германии, то Англия и Италия могут парализовать действия Франции. А в том случае, если на Польшу нападут русские, будет еще хуже! – восклицает граф Скржинский. – Франция сможет тогда помочь своему союзнику Польше, лишь проведя свои войска через территорию Германии. Но Германия уже сейчас дает понять, что она откажет в этом. И следовательно... А Польша, господа, Польша?»

* * *

Одиннадцатого октября прибывает еще мало кому известный, бесцветный и брюзгливый Муссолини. Он возражает против пакта, но согласится его подписать.

Его приезд в Локарно наделал много шума.

– Я не хочу иметь никакого личного контакта с руководителем фашистского правительства, – заявляет председателю конференции Остину Чемберлену бельгийский социалист Эмиль Вандервельде, личный друг итальянского депутата Маттеоти, убитого по приказу Муссолини.

Чемберлен отвечает:

– Все будет устроено так, чтобы избежать всякой встречи, и вы увидите друг друга лишь в день подписания... и то издали!

Итальянская делегация немедленно объявила представи-

телям печати, что диктатор примет их завтра утром, в 11 часов, в «Гранд Отеле». Среди журналистов бурные споры. Происходят многочисленные частные совещания, на которых обсуждается, должна ли пресса путем неявки на пресс-конференцию протестовать против репрессивных мер, примененных фашистским правительством по отношению к некоторым итальянским газетам. Поскольку мнения разделились, каждый будет действовать согласно своей совести. Я остаюсь в холле гостиницы, в то время как часть журналистов направляется на пресс-конференцию. После окончания пресс-конференции Муссолини проходит через холл. Разговоры сразу же прекращаются. Он останавливается перед английским журналистом-социалистом, которому громовым голосом задает вопрос:

– Ну, как идут дела коммунизма?

– Я не знаю, сэр.

– Почему?

– Потому что я не коммунист, сэр.

– В таком случае я ошибся.

– С вами это часто случается, – язвительно отвечает журналист.

– Может быть, – замечает Муссолини, смерив своего собеседника взглядом с головы до ног, и медленно, не оборачиваясь, направляется к двери.

Наконец, вечером 16 октября, полторы тысячи жителей Локарно толпятся перед окнами Дворца правосудия, чтобы посмотреть на министров союзных стран и Германии, собравшихся для заслушивания текста нового Локарнского пакта и его подписания.

Первым подписывается канцлер рейха Лютер. Штреземан охрипшим голосом делает на немецком языке путаное заявление.

Бриан превосходно импровизирует речь... Чемберлен, с дрожащими от волнения руками, произносит несколько слов, которых никто не слышит, и со слезами на глазах садится на свое место, уронив на колени монокль.

Сидящий слева от председательствующего бледный, с осунувшимся лицом и отсутствующим взглядом Муссолини, на которого никто не обращает внимания, не говорит ничего. Затем Бриан увлекает за собой на балкон Лютера. Им долго аплодируют.

Несколько часов спустя в Берлине посол Англии лорд д'Абернон отмечает в своем знаменитом «дневнике»: «День 16 октября знаменует собой поворот в истории послевоенной Европы. Это – уничтожение демаркационной линии между победителями и побежденными. Для Англии это означает восстановление политики равновесия».

В этот вечер в Локарно царит всеобщий энтузиазм! Он охватил даже наиболее скептически настроенных и всем пресыщенных дипломатов. Разве Германия, вчерашний враг, не поставила только что свою подпись под восемью мирными протоколами?

Начальник кабинета⁵ Бриана Алексис Леже объясняет всем и каждому:

– Господа, Франция добилась наконец обеспечения своей безопасности на Рейне! Теперь, если немцы когда-нибудь нарушат свое слово, английские и итальянские вооруженные силы автоматически придут на помощь Франции; отныне можно более не опасаться за будущее. Войны больше не будет. Германия вступает в Лигу Наций, несмотря на то, что оккупация нами Рейнской области продолжается!

⁵ Для Франции характерно сравнительно кратковременное существование того или иного Совета министров. Однако эта частая смена министерств не нарушает деятельности административного государственного аппарата, поскольку вновь назначаемый министр не меняет установленного ранее декретом президента республики порядка работы министерства, так же как не сменяет постоянных, особенно высокопоставленных, чиновников, которые обычно и являются первыми помощниками министра в проводимой правительством политике. Но в отличие от постоянного штата министерств каждый министр составляет свой собственный кабинет, куда включает своих непосредственных сотрудников, которых обычно он лично хорошо знает и которым полностью доверяет. Назначение состава кабинета министра полностью зависит от самого министра.

Некоторые охвачены таким энтузиазмом, что бегут на почту отправить телеграммы своим родственникам и друзьям. «Ура! Мир обеспечен!»

* * *

В 10 часов вечера Аристид Бриан, выпив стакан молока, уже спит спокойным сном.

Пара маленьких черных, немного поношенных ботинок на пуговицах, стоящих у дверей его комнаты, свидетельствует о том, что их владелец пренебрегает всеми стихийно возникающими празднествами.

Горы иллюминированы, по улицам движутся факельные шествия. Во всех гостиницах ужинают, поют и танцуют.

* * *

На следующий день выдалась прекрасная погода.

Бриан приглашает сэра Остина Чемберлена, а также около ста журналистов, дипломатов, экспертов, локарнскую знать и некоторых дам совершить «плавание мира» на борту «Регины Мадре» – самого роскошного парохода судоходной компании озера Лаго-Маджоре.

На палубе среди зеленых растений и цветов тихо играет маленький оркестр. Бриан, одетый в свой обычный тесный

черный пиджак, в старой мягкой шляпе, улыбаясь, переходит от одной группы к другой и все время курит.

Чемберлен, знаменитое изречение которого «Я люблю Францию, как любят женщину» давно уже покорило сердце Бриана, стоит, прислонившись к перилам. Он рассказывает кембриджские истории и в то же время беспрерывно курит, зажигая сигареты одну от другой.

– Вы курите так же много, как и я, – говорит Бриан.

– Я стараюсь следовать примеру своего отца, – отвечает Чемберлен. – Есть люди, которые едят для того, чтобы жить, другие живут для того, чтобы есть, а мой отец говорил, что он ест и пьет для того, чтобы курить!

Спустя некоторое время Бриан останавливается перед самым свирепым из немецких журналистов – Фейерманом из «Дойче тагесцайтунг».

– Мы с вами, – говорит ему Бриан, – принадлежим к разным лагерям, но сегодня, поскольку мы находимся на одном корабле, это несомненно означает, что вы согласны с Локарно?

Немецкий журналист, злобно взглянув на Бриана, отвечает угрюмо и серьезно:

– Я согласен.

– Вот и прекрасно, – заключает, улыбаясь, Бриан. – Вы видите, что мы с вами принадлежим к одной партии – локарнской!

Прогулка длится три часа при самой великолепной пого-

де, какая только может быть. Никогда еще заход солнца не казался всем столь прекрасным!

В этот вечер, 16 октября 1925 года, в Локарно делегаты по-настоящему верят в будущее!

* * *

А в Париже усиливаются критические настроения.

Пуанкаре замечает: «Разве приведение в действие всех гарантий, только что полученных Францией, не зависит от голосования Совета Лиги Наций? Следовательно, эти гарантии сохраняют свое значение лишь до тех пор, пока Франция и Англия будут полностью согласны в своей политике по отношению к Германии и Европе. Ну, а затем?»

Клемансо высказывается резко: «Нет совершенно никакой ясности в вопросе о том, что Англия должна помочь Франции в случае, когда наша страна вынуждена будет выступить против немцев, если они в один прекрасный день нападут на Чехословакию или Польшу».

Что касается дипломатических экспертов, то им не по себе. Они начинают задавать себе вопрос, будет ли Германия «отходить» от этого пакта к принятию нового европейского режима или ей удастся толкнуть союзников к отказу от прав и гарантий, предоставляемых им Локарнским пактом.

* * *

Но простые люди и общественное мнение продолжают ликовать, подобно Бриану и всем участникам переговоров!

Все убеждены, что Локарнский пакт окончательно установил мир!

Так, на Монмартре освистали куплетиста, который попытался прибавить к своей песне «Локарно» последний куплет: «Локарно... Локарно... Все напрасно!»

Гнилые яблоки, свист и подражания крикам животных тотчас же заставляют певца повторить слова припева предыдущего куплета, которые хором подхватывают все присутствующие:

«Локарно... Локарно... Все прекрасно!»

* * *

Локарно и Лига Наций чрезвычайно популярны в двух политических салонах Парижа, которые оспаривают друг у друга «знаменитостей послевоенного времени».

Это салон старой мадам Менар-Дориан, через который в течение двадцати пяти лет прошло все то, что Франция и Европа считали разумом и идеалом демократии, и салон основательницы и руководительницы журнала «Эроп нувелль»

Луизы Вейс.

Мадам Менар-Дориан, одетая в черные кружева, с лицом, обрамленным седыми волосами, в длинных шведских перчатках, всегда и во всем остается светской дамой, начиная от черепахового гребня, увенчивающего ее прическу, до изящных туфель на низком каблуке. Столь же восторженная в девяносто лет, как и в двадцать, она постоянно отыскивает среди молодежи людей с душой апостолов и вождей. Некогда у нее бывали Виктор Гюго, Гамбетта, Каррьер и все крупные музыканты и артисты прошлого века. У нее, радикал-социалистки крайне левого направления, можно увидеть историка французской революции Олара, Жозефа Кайо, известного бельгийского социалиста Вандервельде, соратника Жореса и директора Международного бюро труда Альбера Тома и даже коммунистического лидера Марселя Кашена. Политические деятели новых демократических государств Центральной Европы: Эдуард Бенеш, Масарик и ряд других обязаны ей многим.

Мало-помалу завсегдатаи салона Менар-Дориан узнают дорогу на улицу де Винь. Там, между городской прачечной и гаражом, молодая Луиза Вейс устраивает приемы в своем ателье. Там без всякого приглашения и подготовки собирается новый цвет общества. В ателье нет прихожей. Пришедшие бросают свои пальто, плащи и шинели на перила лестницы. Обычно, придя туда, встречаешь послов, председателей совета министров и генералов, которые с веселым видом

вешают свои пальто на вешалку, тянущуюся с восьмого этажа до низа лестничной клетки.

Сюда приходят молодой профессор университета радикал-социалист Даладье, Анатоль де Монзи, который говорит о своем намерении составить энциклопедию, немецкий посол фон Хеш, мадам де Ноайль и ее друг литературный критик Анри Ган, лидер социалистов Марсель Самба и его жена, знаменитая художница. Марсель Самба был здесь со своей женой за несколько дней до отъезда в клинику в Шамониксе, где ему суждено было умереть. Через час после смерти Самба его жена выстрелит из револьвера себе в сердце, оставив на столе в номере гостиницы коротенькую записку: «Дорогой Марсель, извини, что я запаздываю на свидание с тобой на один час».

Поздно вечером приезжает граф Бонн де Кастеллан со своим черным пуделем, которого он держит под мышкой. Он рассказывает о своих последних победах. Он никогда не улыбается, потому что сделал вливание парафина под кожу лица, чтобы казаться моложе. Приходит Альбер Тома. Он говорит озабоченно: «Главное – не проговоритесь мадам Менар-Дориан, что я был здесь».

Все проходят к столу...

Во время последнего завтрака происходит забавная сцена: возвращается из своего лекционного турне в Америку Луиза Вейс.

Актриса Руфь Дрейпер прислала с ней письмо актеру

Люнье-По. В час дня приходит Люнье-По, похожий на бродягу, с длинным носом, пронзительными глазами, в перчатках цвета сливочного масла. Письмо Руфь Дрейпер заинтересовало его, он в восторге!

– Вы должны встретить Бернара Циммера, этого молодого писателя, тяжело раненного на войне, который... который... – говорит Луиза Вейс.

Люнье-По взволнован, его воодушевление проходит, оживление исчезает. Он торжественно поднимается, берет свою немыслимую шляпу и заявляет:

– Вчера утром я дрался на дуэли с г-ном Циммером, но кровь не стерла оскорбления, нанесенного им мне. Если я его встречу, я ему дам пощечину и снова вызову на дуэль.

У него угрожающий вид, который действует на приглашенных как холодный душ, ему поспешно подают пальто и смотрят, как он, перепрыгивая через несколько ступенек, бежит вниз с восьмого этажа. Все с радостью видят, что, увлеченный чтением письма мисс Дрейпер, Люнье-По не заметил внизу лестницы только что вошедшего Циммера.

Глава 4. Веймарская республика вступает в Лигу Наций

Штреземан и письмо Аристиды Бриана. – Пивная «Бавария» и пивная «Гамбринус». – Фон Шуберт и истина. – Долой пушки, ружья и пулеметы! – Корсет графа Бернсторфа. – Обморок Штреземана в Туари. – «Пуанкаре все знает, но ничего не понимает».

Время идет...

Спустя несколько недель после Локарно Штреземан говорит своим сотрудникам: «Бриан стал для французского обывателя “отцом мира”, поэтому он готов на все, лишь бы удалась локарнская политика».

Воспользовавшись тем, что националистски настроенное германское общественное мнение плохо встретило Локарнский договор, Штреземан сумел добиться от французов и англичан новых выгодных уступок и, в частности, письма Аристиды Бриана, подписанного также Чемберленом, Вандервельде и Шалойя. Это письмо позволяет Германии истолковывать основные статьи пакта только *ad usum Germania*.⁶ «Германия будет обязана оказать сопротивление какому-либо агрессивному действию лишь в той мере, в какой это совместимо с ее военным и географическим положением, и ни

⁶ В пользу Германии (лат.).

в коем случае французские войска не будут иметь возможность проходить через германскую территорию».

Старый дипломат Жюль Камбон возмущается:

«Бриану так не терпится ввести Германию в Лигу Наций, что он соглашается нарушить даже систему коллективной безопасности, которая служит предметом постоянных забот его дипломатии». И старый посол говорит в заключение: «Кажется, Штреземан уже предусматривает возможность войны России против Польши и Румынии, и, следовательно, в этом случае германская территория осталась бы закрытой для французских войск, а это означало бы, что вся великолепная система коллективной безопасности господина Бриана оказалась бы ликвидированной».

* * *

Речь идет теперь о том, чтобы подготовить вступление в Лигу Наций Германии, признанной по Локарнскому договору от 16 октября равноправной с державами-победительницами.

В связи с этим возникает целый ряд проблем.

Тем временем Штреземан, как всегда, торопится добиться успеха по этапам, имея в виду приближение 10 марта – даты созыва чрезвычайной сессии Ассамблеи Лиги Наций, на которой должны быть решены проблемы, связанные с вступлением в нее Германии, что предусмотрено сделать во вре-

мя очередной, 7-й сессии Ассамблеи в сентябре. Штреземан успевает еще добиться от Бриана и Чемберлена согласия... на изменение режима оккупированных территорий и... на эвакуацию Кёльнской зоны.

* * *

Женева, 6 марта. В Италии в связи со все усиливающейся антифранцузской политикой происходят инциденты в Милане, Венеции, Триесте и Триполи. Муссолини вновь заявляет о своем желании установить господство Италии на Средиземном море и намеревается поставить вопрос об итальянском Тунисе.

Густав Штреземан в сопровождении статс-секретаря по иностранным делам фон Шуберта, рейнского прелата Кааса, юриста Гауса и всей многочисленной германской делегации... прибывает на Женевский вокзал под приветственные возгласы массы встречающих. И тотчас же в Женеве повеяло немецким духом!

Дороги запружены черными и желтыми автомашинами марки «Мерседес», а на тротуарах здоровенные светловолосые продавцы газет в небесно-голубых костюмах с серебряными пуговицами выкрикивают:

– «Берлинер тагеблатт»... «Фёлькише цайтунг»... «Теглихе рундшау»!..

Германский флаг развевается над отелем «Метрополь»,

шестьдесят две комнаты которого ожидают немецких делегатов!

И тут же на каждом этаже воцаряется странная атмосфера: вереницы пивных кружек и резкий неприятный запах потухших сигар, от которого дерет в горле.

Вечером германская делегация собирается в пивной «Бавария», «единственной в городе, куда каждое утро доставляются сосиски, привезенные на самолете из Франкфурта». К полуночи здесь, где все обволакивается клубами сизого дыма, – словно собирается вся Германия. Штреземан, громко смеясь, повторяет: «Да, да, я и есть Бисмарк поражения!»

А Жорж Бернхарт, директор «Газетте де Фосс», бросает реплику так, чтобы ее слышали за всеми столиками: «Теперь нет больше победителей и побежденных! Мы хотим вести переговоры так, как нам это удобно!»

Приходит барон фон Рейнбабен, высокий рыжий человек со шрамом на лице, как всегда в смокинге, – живое воплощение аристократии времен Германской империи (германские аристократы гордились шрамами на лице, нанесенными дуэльными шпагами. – Примеч. ред.).

На вопрос, с которым к нему обычно обращаются: «Барон, хотят ли ваши друзья, чтобы кайзер вернулся?» – он неизменно отвечает:

– Конечно, они оплакивают его в своих сердцах, но их кошелки и желудки требуют, чтобы кайзер по-прежнему оставался в своем уединении в Дорне. И он останется там, може-

те быть в этом уверены!

Затем появляется весьма элегантно одетый в стиле времен Германской империи, совершенно лысый, с лицом кирпичного цвета статс-секретарь фон Шуберт.

Сегодня вечером он бросает на меня убийственный взгляд. В интервью, которое он мне дал накануне, я умышленно привела сказанную им и часто повторяемую фразу: «Германия, как только она сможет, намерена отвоевать Эльзас и Лотарингию и подготовить реванш!»

В Лиге Наций всеобщее возмущение!

Аристид Бриан, которому германская делегация заявляет решительный протест в связи с этим, строго отчитывает меня: «Ужасная Табуи! Ну разве вы не происходите из семьи дипломатов? И разве вы не знаете, что в политике никогда не говорят правду! Не забывайте этого в будущем!»

* * *

Спустя несколько месяцев, 10 сентября 1926 года, в зале Реформации окруженный полчищем фотографов председатель 7-й сессии Ассамблеи серб Нинчич заявляет: «Поскольку Германия приняла все требования Устава Лиги Наций, она может принять участие в заседании».

Протискиваясь через плотную массу людей, столпившихся у левого входа, Штреземан, фон Шуберт и Гаус входят в зал заседаний и занимают места, отведенные им согласно ал-

фавитному порядку, установленному Протоколом Лиги Наций...

Бриан, облаченный в узкий черный пиджак и брюки, напоминающие по форме печные трубы, медленно поднимается на трибуну. Встреченный бурей аплодисментов, он заявляет:

– Отныне Франция и Германия сотрудничают для дела мира!

Затем, вдохновляемый окружающей обстановкой, он становится все более красноречивым:

– Долой пушки, ружья и пулеметы!.. Долой траурные вуали!.. Дорогу арбитражу, безопасности и миру!

Эмоции достигают предела, его речь великолепна! У делегатов навертываются на глаза слезы, и Бриан покидает трибуну среди неопишуемого энтузиазма!

Но Штреземан аплодирует лишь кончиками пальцев, он даже не пожал руку Бриану!

В кулуарах фон Шуберт говорит: «Как изумительно красноречив ваш Бриан! Но мы бы предпочли этому сокращение на десять тысяч численности оккупационной армии в Руре».

А заведующий отделом печати Штернрубарт добавляет: «Когда мы увидим, что Пуанкаре начнет говорить то же самое, что и Бриан, вот тогда речь последнего покажется нам еще более красноречивой!»

Что же касается графа Бернсторфа, остающегося верным моде времен Германии Вильгельма I, то он, в своих лаки-

рованных ботинках, темно-сером рединготе, тонкой, затянутой в корсет талией и подкрашенными волосами, с презрительным видом отвечает тем, кто спрашивает его мнение о вступлении Германии в Лигу Наций: «Именно Германии надлежит обеспечить торжество подлинной идеи президента Вильсона. Версальский договор является лишь вынужденной мерой временного характера, суррогатом действительного мира!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.